

2. Ражкова, Л. Л. Фарміраванне нацыянальнай самасвядомасці падлеткаў сродкамі фальклору ў аматарскіх мастацкіх калектывах : аўтарэферат канд. педагаг. навук / Л. Л. Ражкова. – Мінск : УА «Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт культуры і мастацтваў», 2007. – 23 с.

3. Міхайлава, А. Л. Фарміраванне этнічнай самасвядомасці студэнтаў гуманітарных спецыяльнасцей (на прыкладзе выкладання курса «Этнапедагогіка») [Электронны ресурс] / А. Л. Міхайлава, С. І. Міхайлаў // Научные труды Республиканского института высшей школы. В 2-х частях. Ч. 2. – Минск : РИВШ, 2015. – 368 с. – С. 313–318. – Режим доступа: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/4238>.

УДК 316.62

**ПАТРИОТИЧЕСКАЯ САМОИДЕНТИЧНОСТЬ,
ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ПРИВЯЗАННОСТЬ К СТРАНЕ
И ОТНОШЕНИЕ К ГРАЖДАНСТВУ У СТУДЕНЧЕСКОЙ
МОЛОДЕЖИ БЕЛАРУСИ, КАЗАХСТАНА И РОССИИ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

Н. В. Муращенко
Москва, НИУ ВШЭ
(e-mail: ncel@yandex.ru)

Аннотация. Представлены результаты эмпирического психологического исследования, целью которого стал сравнительный анализ выраженности гражданской и патриотической самоидентичности, эмоциональной привязанности к стране, типов отношения к гражданству и особенностей взаимосвязей этих феноменов у студенческой молодежи Беларуси, Казахстана и России. Результаты исследования могут быть использованы в процессе организации патриотического воспитания молодежи трех стран.

Ключевые слова: патриотизм, патриотическая самоидентичность, отношение к гражданству, эмоциональная привязанность к стране, студенческая молодежь, белорусские студенты, казахстанские студенты, российские студенты.

Исследование проведено в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

**PATRIOTIC SELF-IDENTITY, EMOTIONAL ATTACHMENT
TO THE COUNTRY, AND ATTITUDE TO THE CITIZENSHIP
AMONG STUDENT YOUTH FROM BELARUS, KAZAKHSTAN,
AND RUSSIA: COMPARATIVE ANALYSIS**

N. V. Murashchenkova
Moscow, HSE University

Abstract. The article describes the results of psychological study. The aim of the study is a comparative analysis of the manifestation of civic and patriotic self-identity, emotional attachment to the country, types of attitude to citizenship and features of interrelationships of these phenomena among students from Belarus, Kazakhstan, and Russia. The results of the study can be used in the process of organizing the patriotic education of the youth from these countries.

Key words: patriotism, patriotic self-identity, attitude to citizenship, emotional attachment to the country, student youth, Belarusian students, Kazakhstani students, Russian students.

The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at HSE University

Актуальность и значимость эффективного патриотического воспитания молодежи как фактора прогрессивного развития страны признается и учеными, и политиками. Воспитание «патриотично настроенной молодежи с независимым мышлением, обладающей созидательным мировоззрением, профессиональными знаниями, демонстрирующей высокую культуру, в том числе культуру межнационального общения, ответственность и способность принимать самостоятельные решения, нацеленные на повышение благосостояния страны, народа и своей семьи» признано ключевой задачей в «Основах государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [8, с. 4]. При этом, достижение данной цели во многом зависит от продуктивного использования потенциала субъект-субъектного взаимодействия как основы любого конструктивного педагогического процесса, ориентированного на принцип совместной ценностной деятельности и предполагающего двусторонний учет интересов, целей и возможностей его участников. Приоритет субъект-субъектного взаимодействия также отражен в «Основах государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [8]. Согласно данному документу «признание молодежи равноправным партнером в формировании и реализации государственной молодежной политики» является одним из основных принципов ее реализации [8, с. 5], а одной из приоритетных задач, которую необходимо решить для достижения целей государственной молодежной политики, является «интенсификация механизмов обратной связи между государственными структурами, общественными объединениями и молодежью» [8, с. 11]. То есть речь идет о важности и необходимости слушать и слышать молодежь, понимать ее поколенческие [9], культурологические и социально-психологические черты и проявления [5]. Это особенно важно, когда государство заинтересовано в развитии патриотизма, основанного на рациональном, а не нормативном типе национальной гордости [11]. В контексте вышесказанного важным становится анализ представлений современной молодежи о патриотизме, требуется изучение отношения молодых людей к данному феномену, к стране, к собственной гражданской принадлежности. Важным является анализ эмоций и чувств, сопровождающих гражданскую идентификацию и самоопределение молодежи, а также изучение данных процессов у молодежи в различных социокультурных средах. Без научного анализа данного проблемного поля невозможно выявление и преодоление тех барьеров, которые стоят на пути эффективного патриотического воспитания современной молодежи [7]. Именно научный анализ идентификационных процессов, происходящих в молодежной среде,

а также системы отношений к себе, стране, окружающим, является основой для создания благоприятных условий и разработки эффективных форм и методов патриотического воспитания сегодня.

Все вышесказанное становится особенно актуальным в связи с тем, что существуют различные виды, проявления и трактовки патриотизма [13]. Психологи В. А. Кольцова и В. А. Соснин, анализируя признаки здорового патриотизма, отмечают: «патриотизм – это одна из базовых составляющих национального самосознания народа, выражающаяся в чувствах любви, гордости и преданности своему Отечеству, его истории, культуре, традициям и быту, в чувстве нравственного долга его защиты, а также в признании самобытности и самоценности других сообществ, в осознании их права на самобытность и существование без конфронтации друг с другом» [4, с. 91]. Исключение компонента межэтнической толерантности из определения патриотизма способно привести к перерождению патриотизма из ценности в антиценность [2; 7]. Данные риски перехода патриотизма из ценности в антиценность могут включаться и в процесс формирования представлений о патриотизме и отношения к нему как к желательному или нежелательному качеству в сознании молодежи. В результате подобной трансформации патриотизм из привлекательного феномена может перейти в категорию отвергаемых, а патриотическая самоидентификация молодежи может снижаться. И тогда усилия по воспитанию патриотизма могут не только не повышать его уровень, но и напротив, провоцировать рост сопротивления молодежи в отношении патриотического воспитания в связи с тем, что в ее сознании это качество может рассматриваться как непривлекательное и/или несущее угрозу. Стоит учитывать также тот факт, что важнейшим фактором формирования патриотизма (как и приверженности личности стране в целом) является эмоциональная привязанность к ней [12]. А одним из значимых маркеров сформированности патриотизма выступает патриотическая самоидентичность [7]. Таким образом, анализ и учет представлений и отношения молодежи к патриотизму в целом, к своей стране и своей гражданской принадлежности, оценка выраженности и значимости гражданской и патриотической самоидентичности в структуре социальной идентичности молодежи являются важными условиями эффективности патриотического воспитания. Значим также сравнительный анализ данных проявлений у молодежи разных стран, для оценки сходств и различий проявления данных феноменов в разных социокультурных средах.

В рамках данной работы представлена часть результатов научного исследования на тему «Социокультурные и социально-психологические факторы формирования и трансформации представлений молодежи о патриотизме в период глобальных вызовов и перемен», проводимого автором. В исследовании приняла участие студенческая молодежь трех стран постсоветского пространства, имеющих тесные культурные и экономические

связи, а также близкие стратегии молодежной политики [1; 6; 15]. Беларусь, Казахстан и Россия – это страны, для которых актуальность эффективного патриотического воспитания обусловлена также необходимостью преодоления наблюдаемого в последние годы интенсивного миграционного оттока образованной молодежи в результате международной мобильности [6].

Цель данного исследования – сравнительный анализ выраженности гражданской и патриотической самоидентичности, эмоциональной привязанности к стране, типов отношения к гражданству и особенностей взаимосвязей этих феноменов у студенческой молодежи Беларуси, Казахстана и России.

Выборка исследования. Участниками исследования стали студенты университетов в возрасте от 18 до 25 лет, являющиеся гражданами Беларуси, Казахстана и России. Численное распределение выборки было следующим: 208 студентов из белорусских вузов Витебска, Гродно, Минска ($M=19,8$, $SD=1,91$, 25,0% – мужчины), 200 студентов из казахстанских вузов Нур-Султана, Павлодара и Усть-Каменогорска ($M=20,5$, $SD=1,89$, 26,0% – мужчины), а также 250 студентов из российских вузов Москвы, Омска, Пензы, Санкт-Петербурга, Смоленска и Хабаровска ($N=250$, $M=20,0$, $SD=1,51$, 25,2% – мужчины). Это были русскоговорящие студенты гуманитарного, технического и экономического направлений обучения, 94% студентов из Беларуси идентифицировали себя как белорусы по этнической принадлежности, 54% студентов-казахстанцев отнесли себя к казахам, 87% студентов из России назвали себя русскими.

Процедура сбора эмпирических данных. Анонимный онлайн-опрос был организован на платформе anketolog.ru в период с января по апрель 2021 года. Ссылка на онлайн-анкету распространялась среди студентов трех стран преподавателями университетов. Участие респондентов в опросе было добровольным, вознаграждение не предусматривалось.

Инструментарий исследования. Для оценки значимости/выраженности гражданской и патриотической самоидентичности у студенческой молодежи использовался сокращенный модифицированный вариант методики «Кто Я?» М. Куна, Т. Макпартленда [10, с. 7-8]. Респондентам предлагалось 5 раз по-разному ответить сначала на вопрос «Кто Я сейчас?», а потом – на вопрос «Кто я буду через 5 лет?». Оценивалась представленность в ответах респондентов характеристик, отражающих их гражданскую самоидентификацию, связь со страной проживания или с другими странами.

Для оценки степени эмоциональной привязанности студентов к своей стране использовался вопрос из Анкеты Европейского Социального Исследования (ESS–8) «Насколько сильно Вы эмоционально привязаны к ... (указывается страна)? Дайте ответ по шкале от 0 до 10, где 0 означает что Вы вообще не чувствуете эмоциональной привязанности, а 10 – что чувствуете очень сильную эмоциональную привязанность» [14].

Для оценки отношения студентов к своей гражданской принадлежности мы сформулировали полузакрытый вопрос «Какие чувства вызывает у Вас ощущение того, что Вы гражданин своего государства?». В основу данного вопроса была положена Шкала экспресс-оценки чувств, связанных с этнической принадлежностью Н.М. Лебедевой [10, с. 8-9]. Респондентам были предложены 5 вариантов ответа (гордость (1), спокойную уверенность (2), никаких чувств (3), обиду (4), ущемленность, униженность (5)), а также возможность в графе «другое» указать свой собственный вариант. Предполагалась возможность множественного выбора. Анализировались выраженность отдельных чувств, а также типов отношения студенческой молодежи к своей гражданской принадлежности. Отношение кодировалось как позитивное у тех респондентов, которые выбрали ответ(ы) «гордость» и/или «спокойная уверенность» и/или указали другие позитивные эмоции в графе «другое». Отношение кодировалось как негативное у тех респондентов, которые выбрали ответ(ы) «обида» и/или «ущемленность, униженность» и/или отметили другие негативные эмоции в графе «другое». Отношение кодировалось как безразличное у тех, кто выбрал ответ «никаких чувств», и как амбивалентное у тех, кто выбрал одновременно ответы, соответствующие позитивному и негативному отношениям.

Для оценки выраженности патриотической самоидентичности у студенческой молодежи, по аналогии со Шкалой экспресс-оценки выраженности этнической идентичности Н.М. Лебедевой [10, с. 9], мы сформулировали закрытый вопрос «В какой степени Вы ощущаете себя патриотом ... (указывается соответствующая страна)?». Варианты ответов были представлены по типу шкалы Ликерта: 1 – совсем не ощущаю, 2 – ощущаю, но очень слабо, 3 – иногда ощущаю, а иногда – нет, 4 – ощущаю в полной мере, 5 – ощущаю очень сильно.

Порядок предъявления вопросов в онлайн-анкете соответствовал порядку их описания в данном разделе.

Обработка данных. Использовался пакет IBM SPSS Statistics 23. Проводился частотный и контент-анализ, анализ описательных статистик, регрессионный анализ и анализ различий (угловое преобразование Фишера, t-критерий Стьюдента).

Результаты и их обсуждение. Использование сокращенного модифицированного варианта методики «Кто Я?» М. Куна, Т. Макпартленда дало возможность оценить значимость гражданской (и патриотической) самоидентификации в структуре социальной идентичности студенческой молодежи трех стран. Результаты контент-анализа представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Значимость гражданской идентичности в структуре социальной идентичности студенческой молодежи Беларуси, Казахстана и России (сокращенный модифицированный вариант методики «Кто Я?» М. Куна, Т. Макпартленда)

Группы респондентов	Ответы на вопрос «Кто Я сейчас?»	Ответы на вопрос «Кто я буду через 5 лет?»
Белорусы, N=208	Белорус/белоруска (5,3) Гражданин/гражданка (8,2) Гражданин/гражданка Республики Беларусь (1,9) Европеец (1,0) Патриот (1,0)	Белорус/белоруска (3,8) Гражданин/гражданка (6,3) Патриот (1,0) Жительница Беларуси (0,5) Европеец (0,5)
Всего, %	17,4	12,1
Казахстанцы, N=200	Гражданин/гражданка (5,0) Гражданин/гражданка Республики Казахстан (4,5) Патриот (1,5) Казах/казашка (1) Жительница Казахстана (0,5)	Гражданин/гражданка (2,5) Гражданин/гражданка Республики Казахстан (1,0) Казах (0,5) Патриот (0,5)
Всего, %	12,5	4,5
Россияне, N=250	Гражданин/гражданка (5,2) Гражданин/гражданка России (1,2) Россиянин/россиянка (0,8)	Гражданин/гражданка (2,4) Гражданин России (0,8) Гражданин Канады (0,4) Житель России (0,4)
Всего, %	7,2	4,0

Примечание: в скобках указан % респондентов в группе, давших соответствующий ответ.

В ходе контент-анализа учитывались все идентификационные само-описания, соответствующие критерию «связь со страной» (своей или чужой). Наряду с этим, так как ответы белорусских респондентов включали понятия «белорус» и «белоруска», которые можно интерпретировать как относящиеся и к гражданской, и к этнической самоидентификации, было принято решение об учете в ответах казахстанцев и россиян само-описаний, относящихся к их этнической принадлежности.

Полученные результаты свидетельствуют о невысокой значимости гражданской самоидентификации в структуре идентичности студенческой молодежи в выборках трех стран. Наибольший процент респондентов, указавших характеристики, отражающие гражданскую самоидентификацию, характерен для белорусской выборки, а наименьший – для российской. Анализ различий, проведенный с помощью углового преобразования Фишера, показал, что среди студенческой молодежи России, в сравнении со студенческой молодежью Беларуси ($\varphi^*_{\text{эмп}} = 3,36, p < 0,01$) и Казахстана ($\varphi^*_{\text{эмп}} = 1,90, p < 0,05$) статистически значимо меньше тех, для кого гражданская идентичность является значимым компонентом идентичности в настоящем. В то же время, среди студенческой молодежи Беларуси, в сравнении со студенческой молодежью Казахстана ($\varphi^*_{\text{эмп}} = 2,82, p < 0,01$) и России ($\varphi^*_{\text{эмп}} = 3,24, p < 0,01$) статистически значимо преобладают те, для кого гражданская идентичность является значимым компонентом идентичности в будущем. То есть в среде российской студенческой молодежи в настоящем гражданская самоидентичность менее популярна, чем в среде белорусской и казахстанской молодежи. В то время как для белорусской студенческой молодежи гражданская самоидентичность как компонент образа «Я» в будущем имеет большую значимость, чем для казахстанской и российской студенческой молодежи.

Идентификационная характеристика «патриот» встречается довольно редко в описаниях образов «Я» в настоящем и будущем у белорусских и казахстанских студентов, а у российских респондентов она не представлена совсем. Наиболее популярными ответами респондентов в трех странах являются характеристики «гражданин/гражданка» без указания страны принадлежности, что может рассматриваться в отдельных случаях как клише, а не содержательный отрефлексированный идентификационный признак. Варианты ответов с указанием страны принадлежности (например, «гражданин республики Беларусь») несут большую личностную идентификационную нагруженность, особенно, когда указывается принадлежность к другой стране, а не к стране проживания (как, например, единичный ответ россиянина: «буду гражданином Канады» (табл. 1)). Среди белорусских студентов встречаются те, кто отмечают свою принадлежность не только к стране проживания, но и к более широкому обществу, называя себя европейцами. Среди белорусов также значительно больше тех, у кого самоописания, отражающие гражданскую идентичность, представлены одновременно как в образе настоящего «Я», так и в образе будущего «Я» (9,6% в группе белорусов в сравнении с 4,5% в группе казахстанцев и 2,4% в группе россиян), что также может являться признаком большей значимости гражданской идентичности для белорусских студентов. У 7,7% белорусов, 8% казахстанцев и у 4,8% россиян характеристики гражданской самоидентификации присутствуют только лишь в самоописаниях настоящего «Я» и отсутствуют в самоописаниях

будущего «Я». У 2,4% белорусов и у 1,6% россиян, напротив, характеристики гражданской самоидентификации присутствуют только лишь в самоописаниях будущего «Я» и отсутствуют в самоописаниях настоящего «Я» (среди казахстанских студентов таких респондентов не выявлено). Распределение ранговых позиций гражданских самоописаний свидетельствует о том, что никто из респондентов в российской выборке при описании себя в настоящем и в казахстанской выборке при описании себя в будущем не использовал на первой ранговой позиции понятий, относящихся к гражданской идентичности (табл. 2).

Таблица 2 – Распределение ранговых позиций самоописаний, отражающих гражданскую идентификацию студентов трех стран в настоящем и будущем (сокращенный модифицированный вариант методики «Кто Я?» М. Куна, Т. Макпартленда)

Группы респондентов	Ранговые позиции самоописаний, отражающих гражданскую идентификацию студентов в настоящем/будущем («Кто я сейчас?»/» Кто я буду через 5 лет?»)				
	1	2	3	4	5
Белорусы, N=208, %	3,8/0,5	4,8/1,9	2,9/2,9	2,4/3,4	3,4/3,4%
Казахстанцы, N=200, %	0,5/0,0	2,5/0,5	3,0/1,5	3,5/1,5	3,0/1,0%
Россияне, N=250, %	0,0/0,8	2,8/0,8	0,4/0,4	2,4/0,4	1,6/1,6

Примечание: указан % респондентов в каждой группе, представивших самоописания, отражающие гражданскую самоидентификацию, на соответствующих ранговых позициях.

Подчеркнем, также, что, если для россиян были характерны односложные ответы на поставленные вопросы, то белорусы и казахстанцы в отдельных случаях давали расширенные ответы. Например, у белорусских студентов были такие описания: «патриот, любящий свою страну», «честный гражданин РБ», «буду патриотом, который будет вкладывать в свою страну только самое лучшее и делать её прекраснее», «буду гражданкой прекрасного государства». Примеры ответов казахстанских студентов: «я патриот свой Родины», «я гражданин, уважающий своё государство», «я буду достойным гражданином».

Анализ различий в выраженности эмоциональной привязанности к стране и патриотической самоидентичности показал, что в российской выборке данные показатели статистически значимо выражены в меньшей степени, чем в казахстанской (табл. 3).

Таблица 3 – Различия в показателях патриотической самоидентичности и эмоциональной привязанности к стране у студенческой молодежи Беларуси, Казахстана и России (t-критерий Стьюдента)

Переменные	Белорусские студенты	Казахстанские студенты	Российские студенты
	М (SD)	М (SD)	М (SD)
Патриотическая самоидентичность (min=1, max=5)	3,01(1,14)	3,20(1,09) ^{p**}	2,94(0,99) ^{к**}
Эмоциональная привязанность к стране (min=0, max=10)	6,17(2,72)	6,58(2,71) ^{p*}	6,06(2,45) ^{к*}

Примечания: p – статистически значимые различия с россиянами; к - статистически значимые различия с казахстанцами; * p < 0,05, ** p < 0,01.

Статистически значимых различий в данных показателях у российских и белорусских, а также у белорусских и казахстанских студентов не обнаружено (табл. 3).

В то же время, рисунок 1 демонстрирует, что в процентном соотношении среди российских студентов (в сравнении с казахстанцами и белорусами) больше тех, кто ощущает себя патриотом слабо и время от времени, и меньше тех, кто ощущает себя патриотом в полной мере и очень сильно.

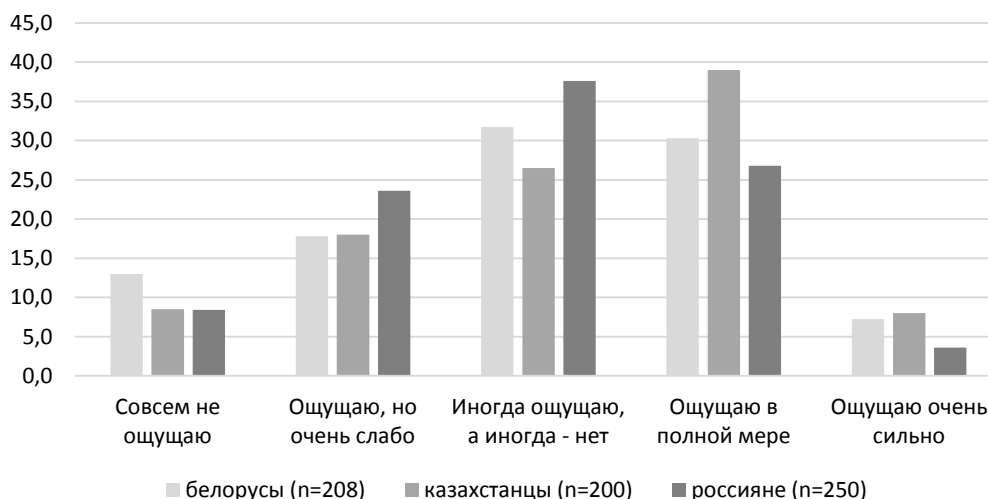

Рисунок 1 – Распределение (%) ответов студенческой молодежи трех стран на вопрос «В какой степени Вы ощущаете себя патриотом Беларуси/Казахстана/России?»

Примечание: для каждой из трех выборок респондентов в вопросе указывалась та страна, которая соответствовала их гражданской принадлежности.

Анализ различий, проведенный с помощью углового преобразования Фишера, подтвердил, что в российской выборке, в сравнении с казахстанской, больше тех, кто ощущает себя патриотом время от времени ($\phi^*_{эмп} =$

2,51, $p < 0,01$). В то же время, среди казахстанских студентов, в сравнении с российскими ($\varphi^*_{эмп} = 2,75$, $p < 0,01$) и белорусскими ($\varphi^*_{эмп} = 1,85$, $p < 0,05$), больше тех, кто ощущает себя патриотом в полной мере. Среди казахстанцев также больше тех, кто ощущает себя патриотом очень сильно, в сравнении с россиянами ($\varphi^*_{эмп} = 2,02$, $p < 0,05$) и белорусами ($\varphi^*_{эмп} = 1,72$, $p < 0,05$).

Результаты регрессионного анализа свидетельствуют о том, что эмоциональная привязанность к стране выступает предиктором патриотической самоидентичности: обнаружена положительная статистически значимая связь между этими переменными у студенческой молодежи Беларуси ($R^2=0,34$; $\beta=0,60$; $p=0,000$), Казахстана ($R^2=0,35$; $\beta=0,59$; $p=0,000$) и России ($R^2=0,21$; $\beta=0,46$; $p=0,000$).

Рассмотрим результаты анализа эмоционального отношения студенческой молодежи трех стран к своей гражданской принадлежности (рис. 2).

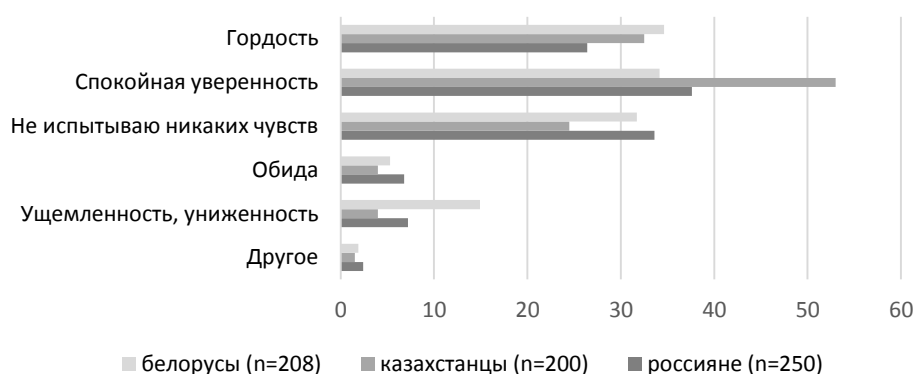

Рисунок 2 – Распределение (%) ответов студенческой молодежи трех стран на вопрос «Какие чувства вызывает у Вас ощущение того, что Вы гражданин своего государства?»

Примечание: при ответе на вопрос предполагалась возможность множественного выбора, в связи с этим общий процент выборов по всем ответам в трех группах превышает 100%.

Анализ различий с использованием углового преобразования Фишера демонстрирует, что гордость по поводу своей гражданской принадлежности испытывает больше белорусов, чем россиян ($\varphi^*_{эмп} = 1,91$, $p < 0,05$). В то же время, среди белорусских студентов (в сравнении с россиянами ($\varphi^*_{эмп} = 2,66$, $p < 0,01$) и казахстанцами ($\varphi^*_{эмп} = 3,94$, $p < 0,01$)) больше тех, кто чувствует ущемленность и униженность, осознавая, свою гражданскую принадлежность. В свою очередь, среди казахстанцев статистически значимо больше тех, кто испытывает спокойную уверенность относительно своей гражданской принадлежности, в сравнении с россиянами ($\varphi^*_{эмп} = 3,28$, $p < 0,01$) и белорусами ($\varphi^*_{эмп} = 3,88$, $p < 0,01$). Также среди казахстанских студентов меньше тех (в сравнении с россиянами ($\varphi^*_{эмп} = 2,12$, $p < 0,05$)), кто не испытывает никаких эмоций относительно своей гражданской принадлежности.

Рассмотрим варианты ответов респондентов, представленные в графе «другое». Несмотря на их небольшое количество, они отражают разнообразный спектр переживаний молодежи. Среди ответов студентов из Беларуси, были следующие: «смешанные чувства» (2), «тепло» (1). Казахские студенты в качестве ответов в графе «другое» указали «уважение» (1), «безразличие» (1), «обеспокоенность» (1). Российские студенты отметили «нейтралитет, спокойствие, удовлетворение» (1), «гордость за народ, стыд за государство» (1), «стыд» (1), «неполноценность» (1), «отчаяние» (1), «несправедливость» (1).

На рисунке 3 представлено распределение типов отношения студенческой молодежи трех стран к собственной гражданской принадлежности, выделенных на основе ответов респондентов на вопрос «Какие чувства вызывает у Вас ощущение того, что Вы гражданин своего государства?».

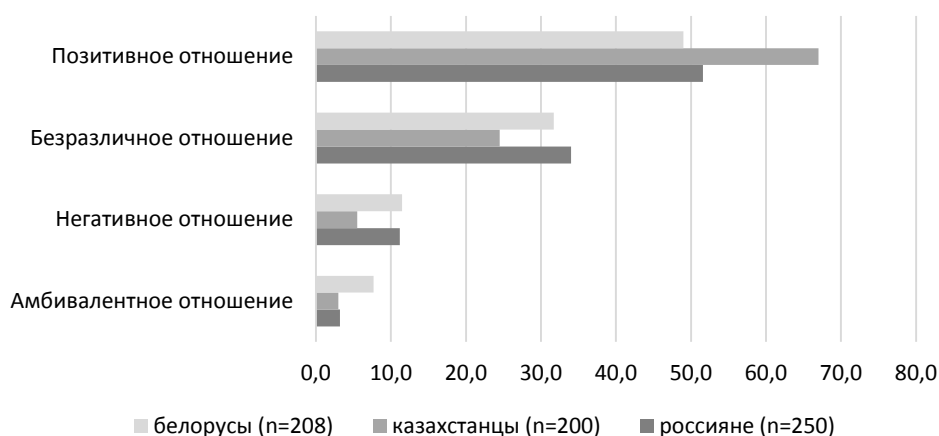

Рисунок 3 – Распределение (%) типов отношения студенческой молодежи Беларуси, Казахстана и России к своей гражданской принадлежности

Примечание: типы отношения к гражданской принадлежности выделены на основе анализа ответов респондентов на вопрос «Какие чувства вызывает у Вас ощущение того, что Вы гражданин своего государства?»; позитивное отношение определялось у респондентов, выбравших ответы «гордость» и/или «спокойная уверенность» и/или позитивные эмоции, указанные в графе «другое»; негативное отношение определялось у респондентов, выбравших ответы «обида» и/или «ущемленность, униженность» и/или негативные эмоции, указанные в графе «другое»; безразличное отношение определялось у респондентов, выбравших ответ «никаких чувств»; амбивалентное отношение определялось у респондентов, выбравших одновременно ответы, соответствующие как позитивному, так и негативному отношению.

На основе углового преобразования Фишера выявлен ряд различий. Среди казахстанских студентов статистически значимо больше тех, кто позитивно относится к своему гражданству, чем среди российских ($\varphi^*_{эмп} = 3,32, p < 0,01$) и белорусских ($\varphi^*_{эмп} = 3,71, p < 0,01$) студентов. В свою очередь, среди россиян ($\varphi^*_{эмп} = 2,20, p < 0,05$) и белорусов ($\varphi^*_{эмп} = 2,21, p < 0,05$) больше тех, кто относится к своему гражданству негативно, в сравнении с респондентами-казахстанцами. Наряду с этим, среди казахстанских респондентов (в сравнении с российскими ($\varphi^*_{эмп} = 2,12, p < 0,05$)) меньше тех,

кто относится безразлично к своей гражданской принадлежности. А среди белорусских студентов (в сравнении с российскими ($\varphi^*_{эмп} = 2,15, p < 0,05$) и казахстанскими ($\varphi^*_{эмп} = 2,16, p < 0,05$)) больше тех, у кого гражданская принадлежность вызывает амбивалентные переживания.

Итак, для большей части студенческой молодежи трех стран тема гражданской самоидентификации не является актуальной и находится скорее на периферии, а не в центре социальной идентичности. Тем не менее, можно говорить о том, что для белорусской студенческой молодежи вопрос гражданской идентичности все же наиболее значим и актуален [3]. У российской студенческой молодежи, принявшей участие в исследовании (в сравнении с респондентами из Беларуси и Казахстана), в большей степени прослеживается индифферентность в отношении гражданской идентичности и патриотической самоидентификации. Казахские студенты, в свою очередь, демонстрируют наиболее позитивные самоощущения и отношение к вопросам своей гражданской принадлежности.

Заключение. Проведенный анализ позволил выявить различия в выраженности гражданской и патриотической самоидентичности у студенческой молодежи трех стран, оценить связь патриотической самоидентичности и эмоциональной привязанности к стране у белорусских, казахских и российских студентов, а также сравнить их типы отношения к своей гражданской принадлежности. Результаты исследования могут быть использованы в процессе организации патриотического воспитания молодежи в Беларуси, Казахстане и России. Однако, при использовании результатов стоит учитывать ряд ограничений проведенного исследования. В выборке значимо преобладают респонденты женского пола, а казахскую выборку составляют респонденты преимущественно из северных регионов страны. Наряду с этим, необходимо принять во внимание тот факт, что онлайн-опрос как форма сбора данных, наряду с множеством преимуществ имеет и ряд ограничений, ключевое из которых – невозможность контроля внешних факторов при заполнении анкеты респондентами. В то же время, несмотря на обозначенные ограничения, исследование ставит новые вопросы и задачи относительно определения и объяснения причин выявленных различий, а также способов и механизмов их эффективного учета при организации патриотического воспитания молодежи.

Список использованных источников:

1. Айтжанова Д. Н. Основные этапы институализации государственной молодежной политики Российской Федерации и Республики Казахстан // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2018. № 1(17). С. 149-157. DOI: 10.25513/2312-1300.2018.1.149–157
2. Григорьев Д. С. От патриотизма к политическому тоталитаризму: роль коллективного нарциссизма // Национальный психологический журнал. 2020. № 4 (40). С. 48-60. DOI: 10.11621/npj.2020.0404
3. Дырина А. Беларусь после президентских выборов 2020 г. // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2020. Т. 58 № 74. С. 8–11.

4. Кольцова В. А., Соснин В. А. Социально-психологические проблемы патриотизма и особенности его воспитания в современном российском обществе // Психологический журнал. 2005. Т.26. №4. С. 89–97.
5. Молодежь в городе: культуры, сцены и солидарности. Сост. и науч. ред. Е.Л. Омельченко. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 502 с. DOI: 10.17323/978-5-7598-2128-1
6. Молодежь в Содружестве Независимых Государств: стат. портрет / Статкомитет СНГ, ЮНФПА. М., 2021. 166 с.
7. Муращенкова Н. В. Социально-психологические детерминанты представлений молодежи об экстремизме и патриотизме: дисс. ... канд. психол. наук. Смоленск, 2014. 310 с.
8. Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/ceFXleNUqOU.pdf> (дата обращения 11.09.2022).
9. Радаев В. В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 15–33. DOI: 10.7868/S0132162518030029
10. Татарко А. Н., Лебедева Н. М. Методы этнической и кросскультурной психологии. М.: НИУ ВШЭ, 2011. 163 с.
11. Фабрикант М. С., Магун В. С. Гордость человека своей страной: индивидуальные и страновые детерминанты. URL: <https://publications.hse.ru/chapters/180767990> (дата обращения: 12.09.2022).
12. Фролова С. В. Социально-психологическая концепция приверженности личности стране : дисс. ... д-ра психол. наук. Саратов. 2020. 504 с.
13. Юревич А. В. Психологическая многогранность патриотизма // Психологический журнал. 2018. Т.39. №6. С. 86–94. DOI: 10.31857/S020595920002253-4
14. European Social Survey (2016). ESS Round 8 Source Questionnaire. London: ESS ERIC Headquarters c/o City University London. https://www.europeansocialsurvey.org/docs/round8/fieldwork/source/ESS8_source_questionnaires.pdf (дата обращения 11.09.2022).
15. Silvan K. Youth policy practice in post-Soviet Russia and Belarus: past and present // Мир России. Социология. Этнология. 2019. Т. 28 № 1. С. 161-171. DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-1-161-171.

УДК 37.013.8

ЭТНОПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ ПЕДАГОГА ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Л. А. Пшеницына

Минск, БГПУ имени М. Танка

(e-mail: lidaopen@gmail.com)

Е. Н. Бухарцева

Минск, ГУО «Ясли-сад № 137 г. Минска»

(e-mail: ddu137@minsk.edu.by)

Аннотация. В статье рассмотрены этнопедагогические основы формирования гуманистической направленности личности педагога дошкольного образования через